

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 2—4

(1933)

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

в одном лице», с вполне справедливым возмущением восклицают авторы предисловия, и читатель невольно становится втупик: кому верить — фактам ли, говорящим о наличии среди повстанцев феодальных и капиталистических отношений, или «теории», требующей от кочевника неизбежного для последнего, по мнению гг. Березкина и Русинова, родового строя.

Наряду с прочими важными проблемами, ни т. Русinov, ни тем более т. Березкин не дают ответа на причину смертельной вражды между кочевым туркменским и оседлым персидским населением в конкретных условиях Хорасана и Ср. Азии.

Однако, по этому вопросу существуют определенные материалы. Так, напр., в статье Н. Е. Кудрина — «Старый и молодой Иран. О причинах персидской революции» (Русское богатство, 1908, № 1, стр. 62—101) читаем: «Столько веков продолжавшиеся враждебные столкновения персов и туркмен на северовосточной границе Персии имели, напр., своею главною причиною распределение воды, сбегавшей с цепи Даман-и-Куха, воды, которую предприимчивые персы отводили в верхних долинах на свои поля, оставляя таким образом без орошения пастбища кочевников у подножья» (стр. 69).

То же встречаем у П. М. Лессара в «Сборнике материалов по Азии», 1883, VI, 5.

Кроме того следует отметить, что деление туркмен на оседлых и кочевых (чомуры и чарвы) чрезвычайно условно, и характер хозяйствования зависит, как это, напр., видно из материалов известного исследователя К. Боде (О туркменских поколениях, в Записках Русск. геогр. общ-ва, 1842, ч. II, стр. 21), также и от политических условий и даже

чисто внешних факторов (эпизоотии, падеж скота, наличие орошаемых земель и т. д.), а не исключительно лишь от степени социально-экономического развития, как изображают наши авторы.

Приложенная в конце брошюры коротенькая библиография доказывает, что авторы недостаточно глубоко проработали свою тему. Приходится надеяться, что актуальный вопрос о персидских туркменах будет в скором будущем подвергнут серьезной, обстоятельной разработке, для которой труды наших авторов послужат ценным фактическим материалом.

О. Вильчевский.

Ф. Ростопчин.

Черняковская, Е. Г. Хорасан и Сеистан. Ботанико-агрономический очерк Восточной Персии. Л., 1931, 271 стр. Отдельн. оттиск из «Трудов по прикладной ботанике, генетике и селекции», т. XXIII, 1929/1930.

Рассматриваемая работа является отчетом полугодовой экспедиции автора в Восточную Персию в 1925 г.

Е. Г. Черняковская сумела подойти к своей специальной теме достаточно широко: работа включает кроме ботанико-агрономического отдела несколько коротких главок, посвященных географическому и этнографическому описанию изученных районов и, главное, орошению, характеру земледелия и аграрному вопросу в Восточной Персии.

Автор останавливается на истории исследования Хорасана и Сеистана и приводит библиографию общей и специальной литературы на русском и западных языках, а также список важнейших карт Восточной Персии. Имеется карта Восточной Персии и пройденного экспедицией маршрута. В конце книги — список названий растений.

В тексте 57 иллюстраций как по специальным темам, так и по экономике страны, хозяйственному и домашнему быту населения.

Работа Е. Г. Черняковской производит хорошее впечатление и содержит ценный, добросовестно собранный материал, интересный не только для ботаника и агронома, но и для исследователя, работающего по аграрному вопросу в Персии.

Ф. Ростовчин.

Weil, Gotthold. Tatarische Texte. Nach den in der Lautabteilung der Staatsbibliothek befindlichen Originalplatten herausgegeben, übersetzt und erklärt von... Berlin und Leipzig. Walter de Gruyter et Co, 1930, VI+185 SS.

Записи с фонографических валиков сделаны проф. G. Weil'ем стандартной фонетической транскрипцией. В общем они мало чем отличаются от изданных текстов Г. Балинта (Bálint. Gábor Kazáni-tatár nyelvtanulmányok. I. Füzet. Kazáni-tatár Szövegek. Budapest, 1875), проф. Н. Ф. Катанова (Материалы к изучению казан.-татарского наречия. Ч. I. Казань, 1898), проф. Паасонена (H. Paasonen. Tatarische Lieder. Helsingfors, 1901) и др.¹ Но это только в общем. В частности же, это — ценный, новый диалектологический материал: каждая запись здесь строго и многократно проверена и сопровождается соответствующими примечаниями о сказителе: о его национальности (татарин, башкир, митарь), месте рождения, образовании и пр. И с этой точки зрения,

книга эта займет свое место наряду с сочинениями по изучению татарского языка проф. В. А. Богородицкого (напр. «Характеристика звукового состава в казанском говоре поволжско-татарского языка в соотношении с звуковой системой общерусского языка», Известия Акад. Наук, Петроград, 1919, стр. 873—886; «О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте», Вестник Научн. общ. татаро-ведения, 1928, № 8, стр. 112—122), Г. Шарафа («Палатограммы звуков татарского яз.», там же, 1927, № 7, стр. 65—102; «Сонорная длительность татарских гласных», там же, 1928, № 8, стр. 170—264) и др.¹

Перехожу к частностям. Форма настоящего времени (Praesens) от глаголов на гласный звук у G. Weil'я изображается с долгим звуком *ý* (т. е. русск. ы) или *í*, напр. *čácmilár* (р. 116), *ašatým* (р. 175), сходясь отчасти с В. В. Радловым, у которого в обоих случаях долгое *ī* (Phonetik, I, p. 70) и с проф. В. А. Богородицким (см. «О корневом вокализме...», стр. 114; ср. Н. Ф. Катанов. «Матер. к изуч. каз.-татарск. нареч.», ч. I, стр. 22). Интересно отметить написание долгих и дугласных:² *sūūy* (р. 24), *auūyz* (р. 76), *ašauūym* (моя еда, р. 82), *bilūūim* (мое знание; р. 82) и др.; ср. В. А. Богородицкий. «О корневом вокализме...» стр. 115. Предикативное местоимение 2 л. здесь, у Weil'я пишется — *syñ* и *siñ*; напр. *ašýsyñ* (ты ешь), *bilmísiñ* (ты не знаешь, р. 81), *jüzärsiñ* (ты будешь плавать, р. 172), *zafsiñ* (ты слаб, р. 14) и др. У проф. Н. Ф. Катанова и Н. Раасо-

¹ Мои записи с фонографических валиков с текстами на языке желтых уйгуров сделаны приблизительно подобной же транскрипцией. Мое отношение к системам записей см. С. Е. Малов и Ф. А. Фиельструп, «К изучению турецких абаканских наречий». Записки Коллегии востоковедов, 1928, т. III, стр. 289—291.

¹ Ср. N. K. Dmitriev. Tatarisch-mischarische Studien. WZKM, 1931, Bd. 38, H. 1—2.

² Более подробно о подобных долгих гласных и дифтонгах я пишу в своей статье «Заметки по кара-калпакскому языку» (печатается в Турт-куле).